

ПРОЗА

Роман
ИЛЬЮСОВ

ГЛАВА 6 ИСЦЕЛЕНИЕ

Окончание.
Предыдущие публикации –
в № 480, 481.

«Должно быть, здесь прохитит вытяжная труба», - подумал Михаил. Он встал на стул, зажег спичку и поднес к отверстию. Пламя едва заметно приняло вытянутую форму. «Так дело дальше не пойдет, - подумал он. - Придется переносить книги стопками в следственный отдел и там работать над ними. Ну, а сейчас необходимо выйти на несколько минут на территорию, чтобы немного продышаться, а то мозги, как в тумане, и в глазах все плавают... И, чтобы не терять времени зря, посмотрю эту книгу на воздухе».

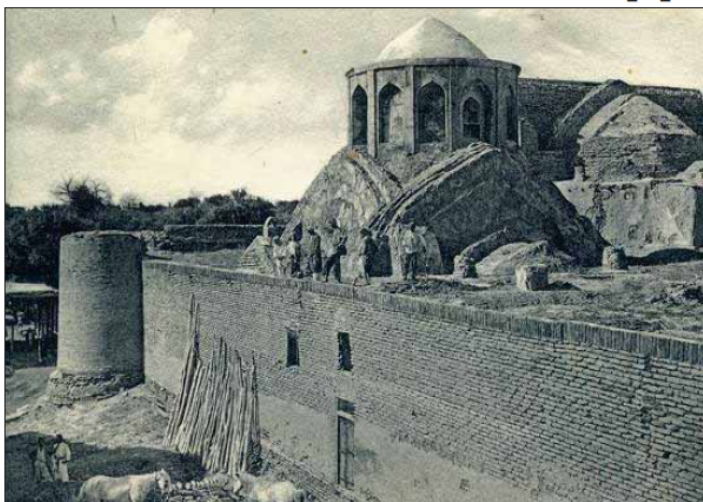
Михаил бережно взял книгу с необычным переплетом, и направился к двери, по дороге разглядывая ее. «Что за чертовщина? А где же название? - удивленно произнес Михаил, внезапно остановившись у двери. Ни на передней, ни на задней сторонах обложек книги не было ни ее названия, ни ее автора. «Странное издание, - подумал Михаил. - Не помню, чтобы когда-то я встречал что-то подобное. Хотя...»

Он вдруг почувствовал, как утешенно забилось у него сердце, словно он держал в руках что-то сокровенное. Однако он не придал особого значения этому ощущению. Он инстинктивно открыл заднюю обложку книги, скользнул мгновенным взглядом по странице и, улынувшись, произнес: «Ах, вот где оно написано – название. Это оказывается сборник еврейских молитв – СИДУР».

Михаил, захлопнув книгу, занес руку в карман, чтобы достать ключи от дверей, и замер, неожиданно осознав, что он запросто прочел это слово, «СИДУР», написанное древнееврейским шрифтом. «Что это, откуда это? – холодея, подумал Михаил. - Я не только прочел название книги, написанное на языке, чей алфавит я никогда не изучал, но также знаю ее предназначение!»

Михаил медленно вынул руку из кармана, обронил ключи. Затем, затаив дыхание, дрожащей рукой, очень медленно, снова открыл заднюю обложку книги и стал перелистывать страницы слева

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

направо так неуверенно и так таинственно, словно перелистывал назад страницы своей собственной жизни. Наконец он остановил свой взгляд на одном из названий молитвы, подчеркнутым простым карандашом, (вероятно, это сделал Яков) – и остолбенел. О чудо! Он на самом деле мог читать еврейские молитвы и понимать их смысл! Вот слово «Рефуа», что означает «Исцеление». Михаил, все еще не веря своим глазам, продолжил чтение уже вслух: «Пошли нам, Создатель, здравие, — и мы излечимся; помоги нам — и мы будем спасены, ибо Ты — наша Слава».

Каждое слово этой молитвы было прочитано в такт мощным сердцбиениям Михаила, каждый удар громовой силой бил по барабанным перепонкам и молниеносным импульсом отдавался в голову, оглушая Михаила до мозга костей. Ему почудилось, будто земля уходит из под его ног, или душа отъединилась от тела и поднимается ввысь. Но, несмотря на это свое ощущение, Михаил не отрывался от чтения, словно боялся, что это чудо, неожиданно открывшееся ему, может исчезнуть навсегда. Он продолжал: «Дай же нам настоящее исцеление от всех болезней наших, ибо Ты, Владыка, - целитель верный и милосердный. Благословен Ты, Господи, исцеляющий больных народа Своего Израиля». Последний, но самый мощный, раскатистый громовой удар в голову Михаил ощутил с последней произнесенным словом молитвы. Обесилевший, будучи не в силах более ощу-

щать адскую боль в голове, Михаил приостановил чтение. У него возникло такое ощущение, как будто душа его, отделившись от тела и поднимаясь ввысь, теперь стала стремительно низвергаться вниз. Он не смог удержать молитвенник, выпустил его из рук. Головокружение усиливалось. А душа стала падать стремительно...

...Он летел вниз и смотрел на трепещущие страницы падающего молитвенника. Михаила обуял невероятный страх. Кружась и падая, он попытался увидеть землю, но не видел ее, словно он падал в никуда. А перед глазами не переставали мелькать древнееврейские каракули, беспорядочно движущиеся по страницам падающего молитвенника...

А вот и земля! Бархатаясь в воздухе, Михаил стал размахивать руками, словно пытался ухватиться за что-то невидимое, чтобы удержаться и не разбиться о землю. «Но что это лежит там внизу? Это я? Это же мое безжизненное тело! Но я же не внизу, я здесь в воздухе!» Михаил посмотрел на свое летящее тело, но не увидел его. «Значит, я не разбьюсь! Значит, моя душа снова соединяется с телом! Но этого не может быть! Это, наверное, опять мой детский сон! Надо просто проснуться и тогда все окажется на своем месте».

Михаил приподнялся, удобнее усялся на своей детской кровати и осмотрелся. А вот и букварь лежит рядом. Взял его и стал перелистывать страницы, любящая сказочными картинками в еврейском букваре. «Но что это? Я сижу не в своей дет-

ской кровати. Я сижу на чьих-то коленях». Михаил, недоумевая, приподнял голову и увидел черную густую бороду. Это был Яков – раввин. Потянулся рукой к бороде Якова. Он всегда любил ощущать ее шелковистость. Михаил посмотрел прямо в глаза Якову. «Но кто это? Нет, это не Яков! Это же мой отец!» Сердце Михаила вздрогнуло и заколотилось. Он давно не видел своего отца.

«Папа, папа! - неистово закричал Михаил, потянувшись обеими руками к его шее и пытаясь обнять! Но какая-то сила откинула его – и он оказался на полу. Услышал какой-то шум. Прислушался. Это был шум колес поезда, а он, отброшенный, лежит на полу в вагоне».

«Но почему? Я только что был в нашем доме на коленях у своего отца. Он обучал меня еврейской азбуке. Как я оказался неожиданно в поезде? И где мой отец? Вот он, мой папа! Он тоже в этом холодном, темном вагоне? А вон какая-то громадная ужасная человекообразная тень без тела, похожая на злой дух». Атакующим движением она хватает куртку отца за передние отвороты и с нечеловеческой силой выталкивает его из вагона. «Что оно, это чудовище, делает? Зачем?»

Михаил протягивает вперед свои руки, пытаясь ухватить своего отца. Но уже поздно...

Неожиданно время как будто изменилось, и все происходящее стало подобным раскатистой киноленте, а его собственный вызывающий к отцу голос и стук от колес поезда теперь звучали реже, как на пластинке, проигры-

ваемой на старом, испорченном патефоне.

Отброшенный отец медленно, словно плывущее облако, стал удаляться из вагона. «Папа, папа, куда ты?» - неистово кричит Михаил. Но отец летит и молчит, и беспокойно смотрит на сына. Летит и молчит. Летит и молчит. В его глазах нет страха за себя. Михаил читает в его глазах беспокойство за судьбу своего единственного сына, его маленького ангелочка, который дорожит ему собственной жизни.

Михаил больше не желает и не может находиться в этом океане ужаса. «Это только дурацкое видение, это навеянный на меня дьяволом сон». Он старается ухватиться за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку. И ему, вроде, удается это сделать. Михаил открывает глаза. Все эти видения исчезают. Но отца все равно рядом нет. И вокруг крошечная тьма. «Значит, я еще не проснулся. Почему же я не могу проснуться? Но если я не могу проснуться, то мне просто нужно сменить свой сон. Надо забыть все, что я сейчас увидел в этом адском, нечеловеческом сне. Надо все забыть. Надо все забыть. А когда я проснусь, я уже никогда не вспомню этот ужасный сон».

И на самом деле это желание Михаила стало бытием. Какое то невидимое существо, словно ангел спасения, проникает в его память и стирает с нее все, что он видел, все, что он помнил...

Теперь все исчезло. В душе тьма и бескрайняя пустота. И вокруг тоже холодная тьма и пустота, как в космосе. Михаил кричит что есть силы: «Я не хочу тьмы! Я боюсь ее. Я хочу света!» Он растерянно оглядывается по сторонам. О боже! Вдалеке показалось светлое голубое пятнышко. А вон и искорки света. Это мимо пролетают звезды. Михаилу кажется, что время переносит его в прошлое или будущее, может быть даже на другую планету.

А потом откуда-то появился добрый доктор – профессор. Он улыбается и говорит воспитательнице детского дома: «С моими пациентами такого еще не было, чтобы к кому-то вернулась память. Это неслыханная редкость. Но такое ЧУДО может свершиться».

Михаил очнулся, обнаружив себя лежащим на полу у двери. «Где это я? - недоумевает Михаил оглядываясь. - Это не поезд». Он приподнялся, но, не в силах встать, сядя, прислонился к двери и постепенно стал приходить в себя. Боль в голове отходила, но в висках все еще давило и

<p>в ушах звенело. Проблески его сознания стали пробиваться через крошечную тьму, окутывающую его память в течение полутора десятка лет. «Я не в поезде - повторил он. - И я уже не ребенок. И мое имя не Михаил. Я все вспомнил. Меня зовут Иосиф. Я сын Рафаэля Каганского. Мою мать звали Юхевет... Но я ее не помню. Она умерла, когда мне было два года. Отец для меня был единственным родным человеком. Мы жили в Москве, в светлой квартире с большими окнами, выходящими в сад. Потом что-то случилось – и мы были вынуждены оставить наш дом. Отец сказал мне, что нам срочно необходимо переехать в Коканд. Что там живет очень хороший человек, его старый знакомый, который нам поможет обосноваться на новом месте. Почему нам надо было срочно уехать?»</p> <p>Михаил стал медленно массировать свой лоб, стараясь вспомнить. «Мой отец почему-то скрыл от меня причину столь поспешного переезда. Я никогда не видел его раньше таким взволнованным, как накануне отъезда. Он очень светился, бежал из комнаты в комнату, вынимал из шкафов и письменных столов какие-то бу-</p>	<p>маги и совал их в печь. Он так торопился, что у него даже не было времени сложить все необходимые вещи в вещевой мешок. Закинул туда только продукты, которые ему попались на глаза, когда мы уже выходили из дома. Значит, с поезда его вытолкнули не грабители. По всей видимости, это были те люди, от преследований которых мой отец спешил скрыться».</p> <p>Михаил почувствовал себя немного легче. Сознание стало улучшаться. Он сделал глубокий вдох и выдох.</p> <p>На полу возле его колена лежал молитвенник. Он взглянул на раскрытую страницу молитвенника. Еврейские иероглифы все еще прыгали перед глазами. Постепенно взор сосредоточился, и Михаил прочел строки с молитвенника:</p> <p>«БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ВЛАДЫКА ЖИВОЙ И ВЕЧНЫЙ, ЗА ТО, ЧТО ТЫ, ПО МИЛОСТИ СВОЕЙ, ВОЗВРАТИЛ МНЕ ДУШУ МОЮ. ВЕЛИКО ТВОЕ ДОВЕРИЕ КО МНЕ». Он вспомнил, что эту молитву каждое утро произносил его отец. Потянулся за книгой, бережно поднял ее с пола, поднес к губам и поцеловал так нежно и так свято, как это обычно делал его отец. А потом приложил ее к груди, и горько-горько стал плакать, вспоминая драгоцен-</p>	<p>ное, неповторимое, волшебное, безвозвратно отнятое время своего забытого детства, проведенное вместе с самым близким, дорогим, любимым и святым для него человеком – с отцом.</p> <p>Его сыновья любовь к своему отцу была настолько велика и глубока, что даже время не в силах было залечить раны души, теперь внезапно открывшиеся и кровоточащие. Состояние Михаила, его горечь, его невыносимая душевная боль, некогда затаившаяся в недрах его души и хранимая временной потерей памяти, напоминая некогда затухший вулкан, который внешне заглох, но который внутренне активизировался от взрыва горячей плазмы и с бешеной силой стал выплевывать со своей вершины наружу жидкие массы горячей лавы шумным потоком, низвергающимся на землю. Накопившаяся горечь Михаила, достигшая своего апогея, стала подобно вулкану выплескиваться из кратера его души, а его глаза стали низвергать пламенные потоки слез, обжигающие его израненную душу до сумасшедшей боли.</p> <p>Пара часов спустя воспоминания Михаила были прерваны стуком в дверь. Опомнившись, Михаил подо-</p>	<p>брал с пола валявшиеся возле него ключи и схватился за ручку двери, чтобы приподняться с пола. Ему с трудом удалось это сделать.</p> <p>«Товарищ Михайлов, вы внутри? – раздался глухой голос за плотной дверью. - Это я начхоз, товарищ Лысенко».</p> <p>Михаил отворил дверь. «Так вы любитель допоздна работать? - удивленно спросил начхоз, протирая свои очки. - А я-то думал, что вы ушли на ужин и забыли опечатать дверь». Он надел очки и, внимательно посмотрев Михаилу в глаза, спросил: «Что с вами, товарищ Михайлов? Вы бледны как покойник и глаза какие-то безжизненные. Вы, наверное, пересидели здесь». Он просунул свою голову в дверь и прикрикнул: «Я забыл вас предупредить, что в этом помещении почти нет воздуха и поэтому нежелательно находиться здесь долгое время». Затем вынул свой блокнот и карандаш из внутреннего кармана куртки и, что-то записывая, произнес: «Завтра утром я пришлю сюда рабочих проверить вентиляционную трубу. Как ответственный за сохранность имущества, вы должны будете присутствовать, когда они будут здесь работать. 9</p>	<p>часов утра вас устраивает?»</p> <p>Михаил тихо и хрипло произнес: «Устраивает». - «О голубчик, так вы совсем здесь зачали. Даже голоса нет. Советую вам немедленно прекратить вашу работу. И пойти выспаться. Вы совсем переработались»</p> <p>Начхоз захлопнул свой блокнот и, уходя, добавил: «Работа не волк, товарищ Михайлов. В лес не убежит. Если у вас слабое здоровье, лучше не перегружайтесь». Уже у самого выхода из здания крикнул: «До завтра, товарищ Михайлов». И махнул рукой.</p> <p>Михаил, молча, тоже махнул ему рукой и зашел внутрь, закрыв за собой дверь. С прижатым к груди Сидуром, он еле доплелся до стола. Снова поцеловав книгу, бережно положил ее поверх стопки прочитанных книг. Поднял их и, пошатываясь, подерживая стопку своим подбородком, направился к подставкам, стоящим у сундуков. Стопка, казалось, вдесятеро потяжелела. Он, положив ее на подставку, стал приподнимать дубовую крышку сундука. Она тоже казалась очень потяжелевшей. «Совершенно сил не осталось, - подумал Михаил, положив книги в сундук и с трудом опуская крышку. - Начхоз прав: надо выспаться».</p>
--	---	---	---	---